

УДК 81'276.1:811.161.1; 343.9

DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.188-205

Криминальная наркотическая субкультура (на примерах наименования лиц, занятых в наркобизнесе)

Е.В. Голощапов*, Т.Г. Голощапова**

* ГУФСИН России по Челябинской области, г. Челябинск, Россия

** Уральский филиал, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
vasilisa5312@rambler.ru

Введение. Противоправный оборот наркотических средств, психотропных веществ, а равно их аналогов и прекурсоров, представляющий собой серьезную угрозу безопасности многонационального российского государства, способствует наркотизации общества и формированию криминальной наркотической субкультуры с ее криминогенным потенциалом. Деструктивная философия и антигуманная сущность наркосубкультуры нашли свое непосредственное отражение в языке, исследование которого является актуальным для криминологии и криминалистики, а равно приоритетным для современной прикладной лингвистики, что и определило тему настоящей работы.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой статьи выступают отечественные научные юридические и лингвистические изыскания в области наркотической субкультуры. Методологической основой работы являются основные законы и категории диалектического метода познания природы, общества и мышления. На этой базе, а также с использованием таких методов познания, как формально-логический, дедуктивный, индуктивный, социологический, описательный и структурно-семантический, исследуется феномен субкультуры. На примере анализа жаргонных наименований лиц, занятых в наркобизнесе, рассматриваются вопросы, касающиеся своеобразия криминального стратифицирующего языкотворчества.

Результаты исследования. В результате проведенного теоретического и практического исследования дается определение понятия «наркотическая субкультура» как криминального неформального мини-социума потребителей и распространителей наркотических средств, обосновывается точка зрения в отношении толкования терминов «наркотизм» и «наркомания».

Обсуждение и заключение. Проведенный в ракурсе лингвокриминологии и лингвокриминалистики анализ наркотической субкультуры на примере занятых в противоправном наркобизнесе лиц свидетельствует о необходимости и важности дальнейшего изучения жаргонного материала, который является знаковым символом мини-социума, отражающим его антигуманную мотивацию, негативное отношение к праву и принятым в обществе морально-нравственным принципам, в целях противодействия организованной наркопреступности и профилактики наркомании.

Ключевые слова: наркотическая субкультура, наркотизм, наркобизнес, семантика, жаргонная лексика и фразеология, социолингвистика, психолингвистика, противодействие незаконному распространению наркотиков

Для цитирования: Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Криминальная наркотическая субкультура (на примере наименования лиц, занятых в наркобизнесе) // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2. С. 188–205. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.188-205

Criminal Narcotic Subculture (Using the Examples of the Names of Persons Engaged in the Drug Business)

Evgeniy V. Goloshchapov*, Tatiana G. Goloshchapova**

* FPS of Russia at the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia

** Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia

For correspondence: vasilisa5312@rambler.ru

Introduction. Illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, as well as their analogues and precursors, which represents a serious threat to the security of the multinational Russian state, promotes narcotizing our society and contributes to the formation of the criminal narcotic subculture with its criminogenic potential. The destructive philosophy and inhuman nature of the drug subculture are directly reflected in the language, the study of which is relevant for both criminology and criminalistics as well as high-priority for modern applied linguistics, which determined the theme of this work.

Theoretical Basis. Methods. National scientific legal and linguistic researches in the field of drug subculture provide a theoretical framework for the article. The methodological basis of the study includes the basic laws and categories of the dialectical method of cognition of nature, society and thinking. The phenomenon of subculture is explored by using formal cognitive, deductive, inductive, sociological, descriptive, and structural semantic methods as well as by analyzing slang names of persons engaged in drug business and considering the originality of criminal stratifying language creation.

Results. As a result of the theoretical and practical research, the term *drug subculture* is defined as an informal criminal mini-society of consumers and distributors of drugs. In addition, the authors' view on such conceptual realities as *narcotism* (a negative socially dangerous phenomenon related to involving people in drug use) and *drug addiction* (an unhealthy craving for drugs and psychotropic substances) is substantiated.

Discussion and Conclusion. The analysis of the drug subculture conducted from the perspective of linguocriminology and linguocriminalistics by considering the slang names of the persons engaged in illegal drug trafficking shows that further studying the slang material, which is an iconic symbol of the mini-society reflecting its inhuman motivation, negative attitude to the law and social moral principles adopted in society, is necessary and important for both combating organized drug crime and drug prevention.

Keywords: narcotic subculture, narcotism, drug business, semantics, slang and phraseology, sociolinguistics, psycholinguistics, counteracting the illicit traffic in narcotic drugs

For citation: Goloshchapov, E.V. and Goloshchapova, T.G., 2019. Criminal narcotic subculture (using the example of the names of persons engaged in the drug business). *Pravosudie = Justice*, 1(2), pp. 188–205. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.188-205

Введение

Противоправные деяния в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время вызывают обоснованную тревогу всей мировой передовой общественности, в том числе и многонациональной Российской Федерации, поскольку таят в себе эпидемиологического масштаба угрозы психическому и физическому здоровью человеческой личности, разрушают и искажают веками складывавшиеся на сознательном уровне морально-нравственные

устои, формируют негативное отношение к праву как регулятивной социальной системе, отрицательно сказываются на экономической безопасности страны. На уровне государственного макросоциума происходит образование делинквентной, иерархически организованной наркотической субкультуры, идентифицирующим признаком которой является непосредственно язык. Именно в языке, который организует криминальный по своей направленности дискурс, находят отражение ее асоциально направленная философия, идеология и мотивация.

В российском языкознании с самых начальных этапов его становления (Бодуэн де Куртенэ, Ф.П. Филин, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и др.) важным признавалось изучение языка отдельных социальных объединений (мини-сообществ) для создания целостной картины национального русского языка как средства коммуникации. Б.А. Ларин подчеркивал, что язык – «фактор социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции», и его организационная роль может выступать средством обособления общественных групп [Ларин, Б.А., 1977, с. 19].

Современные, базирующиеся на фундаментальных теоретических положениях лингвистические исследования, в частности в области функциональной и когнитивной лингвистики, а также лексикографии, которые непосредственно связаны с языком и речевой деятельностью наркокультуры (А.А. Алоян, В.М. Мокиенко, Т.В. Артемова, П.А. Катышев, О.И. Щербакова и др.), несомненно значимы для специалистов юридической сферы деятельности. Однако целостной дискурсивно-языковой картины феномена наркотической субкультуры по разным причинам (субъективный и формальный подход к естественному языку, доминирование интерпретационного принципа над описательным, недостаточно разработанная методическая база и др.), к сожалению, в настоящее время мы не имеем. В этом плане стоит согласиться с мнением К.И. Брилева о том, что лингвистика не в полной мере готова решать конкретные прикладные исследовательские задачи по причине, в частности, того, что «принятые теории формулируются не по отношению к фактам (событиям, которые происходят в конкретное время в конкретном месте), но по отношению к названиям этих фактов», признанию их истинными [Брилев, К.И., 2009, с. 15, 229].

В научной литературе сегодня нет логически обоснованного, опирающегося, например, на исследования ученых в сфере философии права, юриспруденции, психологии, социологии толкования термина *субкультура*, а равно – *наркотическая субкультура*. В словаре С.И. Ожегова субкультура определяется как «сфера культуры, существующая внутри господствующей культуры и имеющая собственные ценностные установки»¹. О.М. Глушкова отмечает наличие большого количе-

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М. : Мир и Образование, 2016. С. 622.

ства трактовок субкультуры, в которых акцентируется внимание или на специфичности мышления отдельного социального мини-социума, или на негативном отношении к государству, праву и общепринятой морали [Глушкова, О.М., 2009].

Нет единства мнений в толковании и использовании ряда терминов, например *наркотизм* и *наркомания*. Языковые единицы, используемые в процессе межличностной коммуникации наркотической субкультуры, называют либо *арго* (В.М. Мокиенко, Т.М. Никитина), либо *жаргоном* (И.Б. Голуб, А.Г. Ломтев), либо *сленгом* (Н.Ю. Самыкина, М.Е. Серебрякова).

Особую актуальность в настоящее время приобретает самостоятельное научное междисциплинарное направление – *юрислингвистика* (*юридическая лингвистика*), которая формируется в зоне взаимодействия языка и права и имеет прикладное значение, поскольку призвана решать вопросы использования лингвистических, а также смежных социально-гуманитарных теоретических знаний в ходе организации правотворческой и правоприменительной деятельности.

На базе юрислингвистики развивается *лингвокриминология* (О.Е. Осовецкий, В.П. Киржаева и др.), связанная с изучением особенностей языковой понятийной системы в рамках культуры и правового сознания отдельного социума, в частности в области противодействия организованной и латентной по своему характеру наркопреступности.

Одной из задач *лингвокриминалистики* (В.Д. Голев, М.А. Грачев, К.И. Бринев, А.М. Шахнорович и др.) является анализ конспиративного языка отдельной криминальной субкультуры в целях поиска истины: грамотное толкование полученной информации и проведение лингвистической экспертизы, идентификация личности преступника и противоправного деяния, проведение оперативно-розыскных мероприятий и т. п.

Сказанное определило актуальность настоящего проведенного в рамках лингвокриминалистики и лингвокриминологии исследования. Базируясь на основных законах и категориях диалектического метода познания природы, общества и мышления и формальной логики, а также на имеющихся современных отечественных научных исследованиях в области психологии, социологии и права, авторы рассматривают проблемные вопросы наркотической субкультуры с позиции дискурсивно-языкового материала, в частности наименования лиц, занятых в сфере наркобизнеса.

Теоретические основы. Методы

Переход развивающейся в сторону правовой государственности России к рыночным отношениям, изменения в социально-демографической структуре общества, переоценка духовных ценностей неизменно влекут за собой и ряд негативных факторов (отчужденность человека

от общества, агрессивность, девиантность поведения, влияние криминальных структур, корыстная мотивация, деформация правосознания и др.), способствуют в определенной степени образованию, развитию и укреплению позиций асоциально направленных неформальных субкультур (в буквальном переводе с латинского – *подкультура*), в том числе наркотической с ее противоправной, античеловечной философией и идеологией, иерархической структурой, языком (вербальным и невербальным), семантикой и особенностями дискурса.

Индивид, приобщенный к употреблению наркотических или психотропных веществ, подобен герою рассказа И.С. Тургенева «Малиновая вода» – Степушке, жизнь которого напоминает животное существование и проходит бесцельно, совсем «немалиново» в поисках пропитания и крова [Тургенев, И.С., 1982].

Своего рода предостережением нам является роман Ч. Айтматова «Плаха» [Айтматов, Ч., 1987], в котором поднимается одна из важнейших проблем – проблема нравственного выбора, экология души человеческой. Новый Бог – злобный и коварный наркотик, который можно добыть и выгодно продать, – начинает свое победное шествие и приводит к медленной деградации человеческой личности, духовному обеднению и физическому недугу. *Гонцы* (поставщики, мелкие сбытчики анаши) – люди, волею судьбы оказавшиеся на обочине жизни (маргиналы), в том числе и хлебнувшие горя подростки, под предводительством Гришани, идеология которого построена на корысти и алчности – выживает сильнейший в звериной борьбе за жизнь, – сознательно идут на плаху. Следует отметить, что одно из значений слова *плаха* в русском языке – обрубок бревна, на котором в старину отсекали голову казненному, а также помост, на котором совершалась эта казнь².

Таким образом, констатируем, что наркотическая субкультура имеет место в российском обществе. Это на современном этапе развития нашего общества является неоспоримым и доказанным фактом. На уровне названного социума складываются стратифицирующие корпоративно-конспиративные отношения в процессе межличностной коммуникации. Кроме того, следует обратить внимание на оппозиционное негативное отношение самих представителей (наркоманов, наркобизнесменов) к принятым в государстве правовым и культурно-моральным нормам и принципам, которое нашло свою непосредственную реализацию в языке и стало объектом представленной работы.

В процессе противоправного наркобизнеса меняются в сторону отчуждения отношения между людьми, происходит десоциализация личности. Следует согласиться с выводами Л.Е. Моториной и В.М. Сытник о применимости категорий *Я, Ты, Оно* для анализа социального бытия как компонента экзистенциального пространства человека. Исследователи приводят формулу человеческих отношений М. Бубера «Я – Оно»,

² См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 426.

согласно которой индивид становится «вещью среди вещей» – одним из множества отчужденных друг от друга индивидов. Мир «Оно», который неумолимо расширяется и становится значительно больше социально значимой области «Я», негативен и пассивен по своей сути, на первый план выдвигается не свобода и любовь, а необходимость [Моторина, А.Е. и Сытник, В.М., 2017].

Сказанное самым прямым образом относится к межличностной коммуникации в области наркооборота и возникающим взаимоотношениям между потребителем наркотика и его поставщиком: речевой дискурс построен на основе функциональной мотивационной направленности по типу *продавец* (корыстная мотивация сбыта наркотического средства) – *покупатель* (мотивация психофизиологической необходимости приобретения наркотика). Например, крупного торговца наркотиками именуют *банкиром* и *зверем* (заимствование из аргос), номинанты *бегунок*, *берун*, *goneц* служат обозначением посредника между наркодилером и наркоманом, *Дед Мороз* – продавец героина или синтетического наркотика в виде светлого порошка, *икряной goneц* – сбытчик наркотиков, имеющий при себе довольно большое их количество, *замазанный goneц* – наркокурьер, попавший в поле зрения сотрудников правоохранительных органов, *яма* – место сбыта и хранения краденого, в том числе наркотиков³ [Голощапов, Е.В., 2010].

В недрах криминального мира, представители которого приветствовали распространение и употребление наркотиков в силу того, что они давали возможность лидерам и авторитетам (подобно Гришане из романа Ч. Айтматова) подчинять себе слабых и непокорных, вовлекать их в преступную деятельность и держать в повиновении, рождается наркотическая субкультура со своей агрессивной философией, криминально направленной идеологией, вербальными и невербальными конспиративно опознавательными (подобно «свой» – «чужой») средствами коммуникации. Это, по всей вероятности, послужило основанием для ряда исследователей (К.И. Бринев, М.А. Грачев, В.М. Мокиенко и др.) использовать термин *арго* (*арготизмы*) в качестве обозначения языка наркосубкультуры. На наш взгляд, это не совсем верно с позиции структурно-семантической идентификации – более приемлем с точки зрения современной дифференциации криминального мира термин *жаргон* (*жаргонизмы*) или *наркожаргон* (*наркожаргонизмы*).

Таким образом, базируясь, в частности, на таких методах познания, как социологический и структурно-семантический, можно утверждать, что наркотическая субкультура представляет собой взаимодействие двух субъектов: распространителей наркотиков и их потребителей, среди которых имеются потенциальные «сбытчики» наркотических средств. Г.И. Козырев подчеркивает, что «лишь во взаимодействии с

³ См.: Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Словарь жаргонных слов и фразеологизмов наркомана. Челябинск : Библиотека Миллера, 2019. С. 8, 9, 17, 25, 71.

другими людьми человек может удовлетворить подавляющее большинство своих потребностей, интересов, ценностей» [Козырев, Г.И., 2005].

Личностные отношения в нарко-мини-социуме в целом предсказуемы, социальные действия (понятие М. Вебера) индивидов имеют характер осознанной целерациональной мотивации: корыстная мотивация наркоторговцев направлена на получение материальной выгоды и, как отмечает М.И. Еникеев, выступает «системообразующим фактором поведения личности», мотивация потребителей наркосредств является побудительно-ориентационной или стереотипизированной [Еникеев, М.И., 2013, с. 47–49, 76].

Идеологию распространителей наркотических средств и психотропных веществ можно рассматривать как квазиидеологию или «теневую идеологию», при которой корыстные интересы наркобизнеса доминируют над общепринятыми моральными принципами на уровне бессознательного *als ob*, «через образы, управления настроениями, эмоциями и страстями, включая ненавязчивые подсказки действий», оказывают экспрессивное воздействие на человеческую личность [Мясникова, Л.А., 2002; Рубцов, А.В., 2018]. Так, в наименованиях крупных торговцев наркотиками *банкир*, *купец*, *зверь* явно прослеживается мотивационный элемент «теневой идеологии» – получение материальной выгоды путем воздействия на болезненное пристрастие отдельных индивидов к наркотикам.

Идеологической «теневой» пропаганде оказываются подверженными не только маргиналы, но и обычные, на первый взгляд, вполне сознательные граждане, которыми движет желание обогатиться без особых усилий, а также подростки в силу своего юношеского максимализма и стремления быть материально независимыми от взрослых – *кладмейстеры* или *кладмены*, *минеры* и *трафаретчики*. Перед нами яркий пример современного стратифицирующего конспиративного языкового наркотворчества. Так, лексема *клад*, служащая в русском языке для обозначения понятия «зарытые, спрятанные где-нибудь ценности»⁴, используется в переносном значении – синоним наркотика в целом; *мейстер*, *ман* – заимствования из немецкого языка, которые толкуются соответственно как «мастер, специалист, знаток» и «мужчина, человек». Названные нарконеологизмы обозначают специалиста (преимущественно мужского пола) или знатока в области сокрытия наркотика (клада, стаффа) в таком месте, где его может найти покупатель.

Слово *минер* синонимично номинантам *кладмейстер* и *кладмен*: *мина* в жаргоне также обозначает спрятанный наркотик. В литературном (нормированном) русском языке *минер* – специалист по минному делу⁵. В наименовании наркотика реализуется этимологическая сема

⁴ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 232.

⁵ См. там же. С. 295.

заимствованного в Петровскую эпоху из немецкого языка слова *мина* – подкоп, шахта⁶.

Трафаретчики предлагают наркотики практически открыто – в виде коротких текстов с указанием номера контактного телефона на стенах домов, в подземных переходах и т. п. (своеобразная уличная реклама), где сообщают, что они продают (например, курительные смеси, соль). Лексема образована суффиксальным способом (суффикс со значением лица) от заимствованного из итальянского языка слова трафарет: 1) тонкая пластинка, в которой прорезан рисунок, подлежащий воспроизведению; 2) надпись, сделанная при помощи такой пластинки или из вырезанных букв; 3) *перен.* – нечто избитое, обычный образец, которому следуют слепо, без размышлений⁷.

Необходимо отметить, что указанные слова, кроме лексем *минер*, не имеют эквивалентов (синонимов) в литературном современном русском языке, а равно в профессиональной лексике (например, медиков, криминалистов) и образованы именно в целях конспиративного наименования лица по роду занятий и места в иерархии наркоторговцев [Артемова, Т.В. и др., 2014, с. 166]. Подобную функцию, в частности, выполняют слова *пушер* (мелкий торговец наркотиками) и *панчук* (организатор сбыта наркотических средств), а также номинанты *Магомай*, *Магомед* и *Большой Магомед*, этимологически восходящие к тюркскому языку (формы имени исламского пророка Мухаммеда) и указывающие одновременно на национальность наркоторговца и страну, из которой запрещенное средство вывезено. Имена собственные в данном случае используются в качестве логико-понятийного обобщения.

Для наименования распространителей наркотиков, как показывает наше исследование, заимствования из европейских языков не характерны. Номинативные единицы преимущественно образуются на основе уже имеющихся в русском языке слов: *лекарь* (торговец наркотиками), *баярин* и *отец* (организаторы сбыта наркотиков) – общеславянские по происхождению слова⁸ либо представляют собой семантические заимствования из воровского аргю, являющегося, как указывалось выше, базовой основой для наркожаргона: *смотрящий*, *направляющий*, *разводящий* – участники массового сбыта наркотических средств (в аргю – наименование лиц по роду деятельности в уголовной иерархии), *бабай* – наркоторговец из Средней Азии (в аргю – ростовщик или старик), *барыга* – мелкий наркоторговец (в аргю – скупщик и торговец краденым товаром)⁹.

⁶ См.: Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь: Происхождение слов. М. : Дрофа, 2000. С. 187.

⁷ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 647.

⁸ См.: Шанский Н.М., Боброва Т.А. Указ. соч. С. 10, 30, 166, 219.

⁹ См.: Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира : словарь-справочник. М. : Юриспруденция, 2001. С. 30, 33, 343.

Таким образом, наименования лиц, которые участвуют в незаконном наркобизнесе, непосредственно отражают их роль, функции и занимаемое положение в иерархии преступной организации. Языковой знак в данном случае с точки зрения логики «характеризуется двойной сигнификацией и обладает как “предметным” значением, так и “знаковым”» [Манаенко, Г.Н., 2018]. Например, с одной стороны, номинанты *матка, отец, пират, лягушка с икрой (икра – название наркотика), барбос, купец, полнокровный купец* служат обозначением сбытчиков наркотиков, а слова *верблюд, контейнеровоз, ходок, нарком* – обозначением поставщиков наркосредств, с другой – это релятивы, «сигналы, которые ориентируют коммуникантов в их консенсуальной области взаимодействия» [Кравченко, А.В., 2016, с. 21].

Изучение наркопреступности, а равно специфики ее детерминант и способов противодействия в плане дедуктивно-индуктивного метода долгое время оставалось прерогативой юристов, социологов и психологов. Так, в работе М.А. Прохоровой представлено комплексное исследование социально-психологических и уголовно-правовых сторон негативного социального явления – наркотизма в ракурсе объективных и субъективных признаков составов преступного деяния, предусмотренных ст. 228–233 УК РФ [Прохорова, М.А., 2002]. Н.А. Сартаева отмечает, что термин «наркотизм» нужно исследовать на стыке права, социологии, психологии, медицины и других наук [Сартаева, Н.А., 2003, с. 120].

Вербальные наркономинанты (слова и фразеологизмы) преимущественно рассматриваются либо в совокупности с криминальным (уголовным) жаргоном (арго), либо с точки зрения их толкования (в ряде случаев происхождения), либо при анализе молодежного жаргона. Так, словарь А.Г. Ломтева¹⁰ ориентирован на правоохранительные структуры в целях практического применения, в связи с чем автор приводит список только наиболее часто используемых единиц, а толкование заменяет путем подбора синонимов. О.И. Щербакова и Е.Т. Бруева, несмотря на то что обосновывают в предисловии к своему словарю важность изучения криминологами и филологами языка наркоманов, рассматривают нарколексемы и наркофразеологизмы наряду с общим жаргоном преступников¹¹.

О.П. Дубягина (психолог и полиграфолог по роду своей деятельности) и Г.Ф. Смирнов указывали на необходимость и актуальность для сегодняшнего времени изучения жаргона уголовного мира, в том числе и наркожаргона. Созданный ими словарь преследует цель «вооружить работников правоохранительных органов знаниями, навыками и уме-

¹⁰ См.: Ломтев А.Г. Корпоративный жаргон лиц, потребляющих наркотики. 2004. URL: <http://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/>

¹¹ См.: Щербакова О.И., Бруева Е.Т. Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников. Минск, 1994. 210 с.

ниями распознавать ухищрения, уловки преступников, применяемые ими при подготовке, совершении и сокрытии преступлений»¹². По сути это – первый словарь, в котором криминальные жаргонизмы разделены по типам преступного деяния, в том числе связанного с незаконным наркооборотом¹³.

М.А. Грачев в исследованиях уделяет внимание современному молодежному жаргону, что, в частности, нашло отражение в его словаре, который содержит немало слов из жаргона наркоманов, о чем свидетельствуют соответствующие стилистические пометы (*нарк.*)¹⁴.

Практическую значимость как для филологов, так и для юристов имеет словарь русского жаргона В.М. Мокиенко и Т.М. Никитиной¹⁵.

В своем словаре («Словарь жаргонных слов и фразеологизмов наркомана») ¹⁶ мы на основе, в частности, таких научных методов познания, как логический, исторический, социологический, структурно-семантический и психологический, попытались, обобщая данные имеющихся лексикографических изданий и используя практический опыт работы одного из авторов, не только дать толкование наркожаргонизмам, но и рассмотреть особенности криминального языкотворчества, отражающие специфику мировосприятия криминогенной по сути личности, особенности мышления и морально-нравственные установки.

Как деструктивный социальный процесс наркотизация расширяет свои территориальные и социальные границы, негативно влияет на физическое и психическое здоровье индивида, его мировоззрение, мотивационное поведение, отношение к окружающим, которое становится агрессивным и общественно опасным. В связи с этим следует обратить внимание на понятийную сущность терминов-паронимов *наркотизм* и *наркомания*. Несомненно, что названные номинанты представляют собой единое терминологическое поле и рассматривать их следует на уровне наркотической субкультуры, однако они различаются по своей понятийной сущности.

Мы разделяем мнение ведущих социологов, психологов и юристов (например, работы М.А. Прохоровой и Н.А. Сартаевой) в отношении определения наркотизма как довольно устойчивого негативного и опасного по причине криминогенной составляющей явления, сущностная понятийная сторона которого – приобщить к немедицинскому (незаконному) потреблению наркотических средств и психотропных веществ, а равно их аналогов и прекурсоров отдельных личностей, осо-

¹² Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Указ. соч. С. 3.

¹³ См. там же. С. 294–302.

¹⁴ Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М. : Эксмо, 2006. 672 с.

¹⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.М. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2001. 717 с.

¹⁶ Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Указ. соч.

бенно критически настроенных подростков, вовлечь их в преступную деятельность, связанную с нелегальным наркобизнесом.

В отличие от наркотизма как общественного явления (**сравните: материализм, диалектизм, софизм**) наркоманию, а равно и токсикоманию следует рассматривать как заболевание, обусловленное психической и физической зависимостью от наркотических средств и психотропных веществ. Наркозависимый человек вполне способен на преступление ради дозы наркотика.

Требует корректировки и само наименование исследуемой криминальной подкультуры. Прежде всего следует отметить, что в научных работах термин *субкультура* толкуется в обобщенном плане, без отношения к отдельному мини-сообществу. Так, О.М. Глушкова, анализируя теоретические аспекты субкультуры, отмечает, что «субкультура – это система ценностей, установок, моделей поведения, жизненного стиля и так далее какой-либо социальной группы, представляющая собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры» [Глушкова, О.М., 2009]. В данном определении не учитываются внутренняя структурная организация, коммуникативные связи между членами, в том числе координация деятельности в процессе организации дискурса, мотивационная установка субъектов и язык как опознавательный конспиративный знак.

Наряду с термином *наркотическая субкультура (наркосубкультура)*, который в понятийном плане мы считаем наиболее приемлемым, так как в нем непосредственно отражаются доминантная семантическая сущность социального феномена и его структурная составляющая, в научной среде используются такие, как *наркогенная культура, наркокультура*, которые можно рассматривать в качестве смысловых синонимов. Кроме того, довольно часто используется словосочетание *субкультура наркомана*, акцентирующее внимание на потребителях наркотических средств. В частности, А.А. Алоян дает следующее определение: «Субкультура наркомании – своеобразная культура потребителей наркотиков, трансформированная антисоциальным мышлением система ценностей, с установкой на получение эйфории от употребления наркотиков и обладающая специфической мировоззренческой окраской, что вступает в противоречие с социальными и правовыми нормами, установленными обществом» [Алоян, А.А., 2002]. За пределами понятия в таком случае остаются лица, организующие противозаконный наркобизнес.

Таким образом, при определении термина *наркотическая субкультура (наркосубкультура)*, по нашему мнению, необходимо учитывать следующие структурно-семантические составляющие: 1) наркотическая субкультура, или наркосубкультура, – отдельная неформальная криминальная социальная группа, существующая в рамках государственного макросоциума; 2) структура нарко-мини-социума представляет собой организованную иерархию, члены которой выполняют

определенные роли в процессе организации коммуникативного акта, проявляющегося в отдельном дискурсе как инструменте социального взаимодействия [Крапивкина, О.А., 2017, с. 21–30]; 3) в наркосубкультуре с точки зрения семантической идентификации выделяются на основе мотивационной установки три типа личности: *корыстный* – распространители наркотических средств и психотропных веществ, *наркозависимый* – потребители наркосредств и психотропных веществ и *полимотивационный* – наркозависимые, занимающиеся одновременно торговлей запрещенными средствами [Голощапов, Е.В., 2012, с. 15–16]; 4) использование в наркодискурсе корпоративно-опознавательного жаргона, являющегося в целом символом и атрибутом мини-социума.

Необходимо отметить, что, базируясь на материале имеющихся словарей жаргона (использовался метод сплошной выборки) и проведенном социологическом опросе, мы выявили около 80 номинативных единиц (слов и фразеологизмов), служащих обозначением лица, занятого в наркобизнесе, среди которых в меньшей степени представлен корыстный тип: *шибер* (продавец) и *шибер пухлый* (крупный продавец), *Дед Мороз*, *икряной гонец*, *баярин* (организатор сбыта наркотика), *кладмен*, *минер* (в основном задействованы подростки), *чалый*, *майданник* или *майдайщик* (осужденный, тайно торгующий наркотиками и спиртным) и др. Превалирует полимотивационный тип: *помогала*, *гонец*, *бегун*, *фармацевт* (торговец наркотиками в розницу), *барбос* (занимается сбытом), *затаренный*, *химик*, *аптекарь*, *южанин* (поставщик наркотиков из Средней Азии), *алик* (продавец амфетамина) и др.

Видно, что группа номинантов, служащих обозначением наркобизнесмена, незначительна по сравнению с жаргонами, обозначающими непосредственно наркотики, однако необычна и ярко эмоционально-экспрессивно окрашена, что особенно привлекает подрастающее поколение. М.А. Грачев очень точно подметил в отношении криминализации языка молодежи: «...это не просто речевая забава или игра, которая пройдет с возрастом, а средство выражения мыслей и чувств молодых людей»¹⁷.

Результаты исследования

Осложнение наркоситуации в общероссийском и региональном масштабах, связанное с увеличением противоправных наркодеяний, требует всестороннего исследования криминального феномена наркотической субкультуры в рамках юрислингвистики и ее разделов – лингвокриминалистики и лингвокриминологии, корректировки терминологического поля в целях активизации противодействия наркопреступности и профилактики наркомании, правильной квалификации отдельного уголовно наказуемого преступления или правонарушения в области незаконно-

¹⁷ Грачев М.А. Указ. соч. С. 20.

го (немедицинского) оборота наркотических средств и психотропных веществ. В частности, следует различать семантически близкие, но разные в понятийном плане однокоренные паронимы *наркотизм* и *наркомания*, значение которых формируется на основе морфемной структуры слова.

Результаты проведенного исследования дают возможность сформулировать рабочее (авторское) определение терминологического словосочетания «наркотическая субкультура»: *наркотическая субкультура – криминальный, иерархически организованный языковой мини-социум потребителей и распространителей наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов и прекурсоров, мотивационная направленность и морально-нравственные установки которых носят антиобщественный характер, противоречат принятым в обществе правовым и моральным нормам.*

Обсуждение и заключение

В работе изложено с позиций лингвистики, юриспруденции, социологии, психологии авторское видение решения связанных с наркотической субкультурой вопросов. Приглашаем теоретиков и практиков разных областей знаний, исследующих проблему незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов и прекурсоров, к активному обсуждению соответствующего круга проблем.

Список использованной литературы

Айтматов Ч. Плаха. М. : Молодая гвардия, 1987. 302 с.

Алоян А.А. Предупреждение распространения субкультуры наркомании в молодежной среде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/preduprezhdenie-rasprostraneniya-subkultury-narkomanii-v-molodezhnoj-srede.html>

Артемова Т.В., Катышев П.А., Оленев С.В., Паули Ю.С., Соколова С.К. Функции жаргона наркоманов и словообразовательные средства их осуществления (на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона) // Вестник Кемеровского университета. 2014. Т. 3, № 3. С. 165–169.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : моногр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

Глушкова О.М. Теоретические аспекты анализа субкультуры // Архитектон: известия вузов. 2009. № 26. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/32/template_article-ar%3Dk21-40-k24.htm

- Голощাপов Е.В. Вербальные средства коммуникации наркотической субкультуры // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1 (19). С. 100–103.
- Голощাপов Е.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 23 с.
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. М. : Айрис-пресс, 2003. 448 с.
- Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2009. 280 с.
- Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. М. : Норма, 2013. 512 с.
- Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14–26.
- Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 14. С. 21–30.
- Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. 781 с.
- Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
- Криминология : учебник / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Э. Эминова. М. : Юристъ, 1997. 512 с.
- Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 124–129.
- Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977. 224 с.
- Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М. : Наука, 1977. 62 с.
- Манаенко Г.Н. Высказывание как исходный языковой знак: когнитивно-дискурсивное обоснование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 1. С. 56–66.
- Моторина Л.Е., Сытник В.М. Фундаментальные отношения человека к миру // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 69–80.
- Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 5–16.
- Осовский О.Е. Становление исторической лингвокриминологии в отечественной лингвистике 1960–1980-х годов // Инноваци-

онные технологии в науке и образовании : материалы III Междуна- р. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 23 окт. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 235–237. URL: interactive-plus.ru/e-articles/195/Action195-12854.pdf

Прохорова М.А. Наркотизм: уголовно-правовые и криминологические исследования. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 287 с.

Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27.

Самыкина Н.Ю., Серебрякова М.Е. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации : моногр. Самара : Универс групп, 2007. 148 с.

Сартаева Н.А. Наркотизм: социально-правовой аспект // Государство и право. 2003. № 2. С. 119–124.

Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. Л.П. Крысин М. : Языки славянской культуры, 2007. 709 с.

Тургенев И.С. Малиновая вода // Собр. соч. М. : Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 54–62.

References

Aloyan, A.A., 2002. *Preduprezhdeniye rasprostraneniya subkul'tury narkomanii v molodezhnoy srede* = [Preventing the spread of drug addiction subculture among young people]. Abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Moscow. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/preduprezhdenie-rasprostraneniya-subkultury-narkomanii-v-molodezhnoj-srede.html>. (In Russ.)

Artemova, T.V., Katyshev, P.A., Olenov, S.V., Pauli Yu.S. and Sokolova, S.K., 2014. Functions of drug addicts' jargon and word-building means of their implementation (a case study of sociolinguistic questionnaires and jargon dictionaries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 3(3), pp. 165–169. (In Russ.)

Aytmatov, Ch., 1987. *Plakha* = [Scaffold]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)

Brinev, K.I., 2009. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* = [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Monograph. N.D. Golev, ed. Barnaul: AltGPA. (In Russ.)

- Dolgora, A.I., ed., 2005. *Kriminologiya* = [Criminology]. Textbook for universities. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Enikeev, M.I., 2013. *Yuridicheskaya psikhologiya* = [Legal psychology]. Textbook. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Glushkova, O.M., 2009. [Theoretical aspects of the analysis of the subculture]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* = [Architecton: Proceedings of Higher Education], 26. Available at: <http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/32/template_article-ar%3DK21-40-k24.htm>. (In Russ.)
- Goloshchapov, E.V., 2010. Verbal means of communication of drug subculture. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Russian Interior Ministry], 1(19), pp. 100–103. (In Russ.)
- Goloshchapov, E.V., 2012. *Protivodeystviye nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v mestakh lisheniya svobody* = [Combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in places of detention]. Abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Ekaterinburg. (In Russ.)
- Golub, I.B., 2003. *Stilistika russkogo yazyka* = [The style of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Airis-press. (In Russ.)
- Grachev, M.A., 2009. *Lingvokriminalistika* = [Linguageminority]. Nizhnii Novgorod: Nizhegor. gos. lingv. un-t im. N.A. Dobrolyubova. (In Russ.)
- Kozyrev, G.I., 2005. [Social action, interaction, behavior and social control]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies, 8, pp. 125–129. (In Russ.)
- Krapivkina, O.A., 2017. Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology, 14, pp. 21–30. (In Russ.)
- Kravchenko, A.V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology, 3(41), pp. 14–26. (In Russ.)
- Krysin, L.P., ed., 2007. *Sovremennyyi russkii yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vv.* = [Modern Russian language: active processes at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
- Kudryavtsev, V.N. and Eminov, V.E., eds., 1997. *Kriminologiya* = [Criminology]. Textbook. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Larin, B.A., 1997. *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznaniiye* = [History of Russian linguistics and General linguistics]. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)

- Leont'ev, A.A., Shakhnarovich, A.M. and Batov, V.I., 1977. *Rech' v kriminalistike i sudebnoy psikhologii* = [Speech in criminology and forensic psychology]. M.: Nauka. (In Russ.)
- Manayenko, G.N., 2018. Utterance as the initial linguistic sign: cognitive discursive rationale. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* = [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 56–66. (In Russ.)
- Motorina, L.E. and Sytnik, V.M., 2017. The Fundamental Attitudes of a Man to the World. *Voprosy Filosofii* = [Philosophical Issue], 8, pp. 69–80. (In Russ.)
- Myasnikova, L.A., 2002. Postmodern Economics and property relations. *Voprosy filosofii* = [Philosophical Issue], 7, pp. 5–16. (In Russ.)
- Osovskii, O.E., 2015. [The development of historical linguistic criminology in domestic linguistics in the 1960–1980]. In: O.N. Shirokov, et al., eds. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* = [Innovative technologies in science and education]. Proceedings of the III International scientific-practical conference (Cheboksary, 23 Oktober 2015). Available at: <interactive-plus.ru/e-articles/195/Action195-12854.pdf>. (In Russ.)
- Prokhorova, M.L., 2002. *Narkotizm: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye issledovaniya* = [Drug addiction: criminal law and criminological research]. St. Petersburg: Yurid. centr Press. (In Russ.)
- Rubtsov, A.V., 2018. The transformation of ideology. The concept of the ideological in the “Extreme” expansion. *Voprosy filosofii* = [Philosophical Issue], 7, pp. 18–27. (In Russ.)
- Samykina, N.Yu. and Serebryakova, M.E., 2007. *Dinamika tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti v protsesse narkotizatsii* = [Dynamics of value-semantic sphere of personality in the process of anesthesia]. Monograph. Samara: Univers grupp. (In Russ.)
- Sartayeva, N.A., 2003. [Narkotism: Social and legal aspects]. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 2, pp. 119–124. (In Russ.)
- Turgenev, I.S., 1982. Raspberry water. *Sobr. soch.* = [Collected Works]. Volume 1. Moscow: Khudozh. lit., pp. 54–62. (In Russ.)
- Yablokov, N.P., ed., 2005. *Kriminalistika* = [Criminalistics]. Textbook. 3rd ed. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors:

Голощاپов Евгений Владимирович, начальник оперативного управления ГУФСИН России по Челябинской области, полковник внутренней службы (454091, Россия, г. Челябинск, ул. III Интернационала, д. 116), кандидат юридических наук [**Evgenyi V. Goloshchapov**, Chief of Operations of the Main Directorate of Federal Service for Fulfillment of

Punishments of Russia at the Chelyabinsk region, colonel of the internal service (116 III Internationala St., Chelyabinsk, 454091, Russia), Cand. Sci. (Law)]. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

Голощапова Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (454084, Россия, г. Челябинск, просп. Победы, д. 160), кандидат филологических наук [**Tatiana G. Goloshchapova**, Associate Professor of Humanities and Socio-Economics Courses Department, Ural Branch, Russian State University of Justice (160 Pobedy Av., Chelyabinsk, 454084, Russia), Cand. Sci. (Philology)]. E-mail: vasilisa5312@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Голощапов Евгений Владимирович – сбор и анализ теоретического и практического материала по проблеме исследования; толкование терминов и терминологических словосочетаний.

Голощапова Татьяна Геннадьевна – обзор лингвистической литературы; лингвистический анализ практического материала по исследуемой проблеме; обобщение результатов исследования; научное руководство.